

К. Биркин

**Кардинал Ришелье. Людовик
XIII**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К11

К11 **К. Биркин**
Кардинал Ришелье. Людовик XIII / К. Биркин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2384-9

Кондратий Биркин - псевдоним известного русского историка XIX в. Петра Петровича Каратыгина, автора популярных среди его современников сочинений, мистических и исторических романов, ставших сегодня библиографической редкостью.

ISBN 978-5-4241-2384-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Петрович Биркин
Кардинал Ришелье. Людовик
XIII

Марион де Лорм. – Госпожа де Шон. – Госпожа де Комбале. – Анна Австрийская. – Герцог Бекингэм. – Маркиз Баррада. – Маргарита д'Отфор. – Генрих д'Эффиа. – Маркиз де Сен-Марс (1617–1643)

В числе немногих спутников, сопровождавших королеву-изгнанницу в Блуа, находился и епископ Арман дю Плесси Ришелье. Эта приверженность опальной Марии Медичи была бы достойна похвалы и удивления потомства, если бы почтенным прелатом не руководили в этом случае осторожность и своекорыстие. Оставаться в Париже, при дворе, где владычествовал де Люинь, было опасно и нерасчетливо. Поклоняться временщику, признавать его главенство над собою – этого Ришелье, по уму и по гордости, позволить себе не мог; как человек прозорливый, он предугадывал, что временщик – долго ли, коротко ли – должен пасть, а Людовик XIII – рано или поздно – примириться со своей матерью. Вследствие этих соображений Ришелье безошибочно расчел, что ему гораздо выгоднее держаться за опальную королеву, нежели за полудержавного любимца. Верный правилам приличия, прелат, однако же, вел с де Люинем весьма любезную переписку, поддерживая с ним самые приятные отношения. Мария Медичи в простоте души и не подозревала, какую страшную змею отогревает у сердца в лице епископа Люсонского. Она верила его бескорыстной привязанности, надеялась на его обещания примирить с нею короля и возвратить ей утраченное место во главе государства.

Два года провела Мария Медичи в Блуа и в течение этого времени сблизилась со старым герцогом д'Эперноном, губернатором Сентонжа и Ангулема. Он приглашал королеву перебраться из Блуа в Ангулем и тем освободиться из заточения. В Ангулеме, полная хозяйка своих поступков, Мария Медичи могла жить независимо и войти в переговоры с сыном не как изгнанница, просящая о помиловании, но как самостоятельная владельница, готовая в случае надобности отстаивать свободу и права вооруженной рукой. Но, чтобы выбраться из Блуа, надобно было или подкупить почетные караулы, окружавшие замок, или бежать тайно. Королева отважилась на последнее и с помощью своего шталмейстера графа де Бриенна и двух преданных ему людей в полночь 12 февраля 1619 года бежала переодетая и, благодаря темноте, никем не узнавая, беспрепятственно прибыла в Ангулем. Встретивший ее там д'Эпернон объявил, что к ее услугам его шпага и все войска, ему подначальные. Письмом от 23 февраля Мария Медичи уведомила Людовика XIII о своем побеге, оправдывая его желанием перемены места и в то же время заверяя сына, что она нимало не намерена принимать какое бы ни было участие в делах правления. Парижский двор в это время вместе с королем тешился праздниками по случаю бракосочетаний: принцессы Христины Французской с принцем пьемонтским и побочной дочери Генриха IV мадемуазель де Вандом с герцогом д'Эльбеф. Весть о побеге Марии Медичи была если не громовой тучей, то облаком, омрачившим всеобщее веселье. Король, усматривая из письма, что желания матери весьма умерены, был еще довольно спокоен, но де Люинь, зная средства, которыми она тогда обладала, – де Люинь трусил за свое могущество. Мария Медичи ставила вопрос: если она не имеет намерения вмешиваться в дела государственные, за что же ее подвергать изгнанию? Выражая надежду на содействие короля испанского, королева вошла с сыном в письменные переговоры о примирении. Договор был редактирован кардиналом де Ларошфуко, герцогом Монбазоном и отцом Берюлем, духовником

Марии Медичи; доставку этого договора королю возложили на Ришелье, тогда удаленного в Авиньон. Вызванный в Ангулем и пересмотрев статьи договора, он выговорил королеве-родительнице: сохранение всех прав; полную свободу проживать где угодно, хотя бы и при дворе; пользование всеми доходами с ее удельных имений. Сверх того, по этому договору король обязывался дать всепрощение лицам, содействовавшим бегству Марии Медичи из Блуа, а герцога д'Эпернона наградить 300 000 ливров. Соглашаясь на все эти условия, король через герцогиню Монбазон пригласил родительницу прибыть в Тур для свидания, а оттуда вместе с королем возвратиться в Париж.

В Туре, кроме короля, был, разумеется, и де Люинь. Первый вопрос, сделанный ему Мариею Медичи, было о несчастном маршале д'Анкре.

– Никто не приказывал его убивать, – отвечал де Люинь. – Он сам виноват тем, что хотел защищаться против посланных его арестовать, – и только арестовать!

Увидя маршала де Витри (убийцу д'Анкра), королева с ядовитой улыбкой сказала:

– Вы, маршал, были всегда вернейшим и послушнейшим слугою короля!

– Да, государыня, – отвечал убийца, – и эта покорность заставила меня...

Ришелье, видя, что разговор принимает не совсем дружелюбный оттенок, поспешил прервать его, чему много помогло и появление короля. Встреча и примирение матери с сыном были трогательны; последнее, по-видимому, было искренно, хотя прозорливый Ришелье не надеялся на его прочность. Дело в том, что это примирение порождало при дворе две партии, главами которых являлись королева-родительница и де Люинь. Через месяц после свидания в Туре Мария Медичи удалилась в Анжер, куда следом за нею явились все противники де Люиня, в это время метившего попасть в конетабли. Супруга его занимала при молодой королеве Анне Австрийской должность первой статс-дамы... Партия временщика была сильна; могла бы быть могущественной, если бы сам де Люинь был человеком с головой и твердой волей; к сожалению, он своими способностями далеко отставал от покойного маршала д'Анкра. Волнения кальвинистов в Южной Франции послужили к слиянию в государственном совете обеих партий – и де Люиня, и Марии Медичи. 2 апреля 1621 года Альберт де Люинь был возведен в достоинство конетабля и на первый же случай должен был начать новое поприще на ратном поле, приняв участие в войнах с кальвинистами...

Умалчиваем об этих бесконечных усобицах, о неудачах де Люиня, подвигах Людовика XIII, об осаде Монтобана (послужившей в недавнее время сюжетом для лубочного романа какому-то модному французскому романисту)... Самым важным событием этой эпохи была смерть де Люиня, открывшая путь к престолу королевскому гениальному Ришелье. Королева-родительница, не оставлявшая его своим покровительством, содействовала по мере сил возвышению этого человека, благодаря собственному уму и дарованиям не имевшего даже и нужды ни в покровителях, ни в покровительницах. Будучи простым членом государственного совета в 1624 году, он сообщил королю о своем исполинском плане возведения Франции на высоту державы первостепенной. Для этого королевству было необходимо, во-первых, избавиться от олигархии, во-вторых, уговорить неугомонных кальвинистов, в-третьих, унижить и ослабить свою соперницу, Австрию. Такова была программа государственного строя Ришелье, и до послед-

ней минуты этот король Франции (под псевдонимом Людовика XIII) оставался ей верен.

Читателям, без сомнения, известен анекдот о Петре Великом и о монументе Ришелье? В бытность свою в Париже наш преобразователь посетил гробницу кардинала и, обращаясь к его статуе, сказал восторженно:

– Великий человек, живи ты в мое время, и я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другою половиною!..

– Напрасно! – заметил кто-то из присутствующих. – Он бы и другую половину прибрал к своим рукам.

Таков действительно был Ришелье – временщик-король, двадцать лет державший Францию в своих железных руках, но и вознесший ее этими самыми руками на высокую степень могущества. Людовику XIV легко было разыгрывать роль Юпитера благодаря титанским трудам кардинала Ришелье, воздвигшего целый Олимп для подножия королевской власти и, подобно Вулкану, выковавшего громы и молнии, которыми Франция в течение целого века грозила Европе. Кардинал Ришелье совместил в своей личности и Людовика XI и национальный Конвент 1793 года: первый – благодаря монфоконским виселицам, второй – благодаря гильотине искоренили олигархию; то же сделал и Ришелье с содействием эшафота на Гревской площади. В царствование кардинала приутихли потомки Гизов, протягивавших руки к скипетру Генриха III, Конде – ступавших на ступени трона Генриха IV, принцы Орлеанские, умышлявшие сорвать корону с головы Людовика XIII... Этой короны Ришелье себе на голову не надевал, но он придерживал на короле точно так же, как и порфиру на его слабых плечах. Удачная борьба с Англией, участие Франции в Тридцатилетней войне – все это подвиги, и подвиги исполинские, дающие кардиналу Ришелье полнейшее право на имя великого человека...

Однако предмет нашего труда – не величие великих людей, а те фазисы их жизни, когда она нисходила на степень людей обыкновенных. Подобно курице в басне Крылова, подшучивающей над орлом, сидящим на овине, мы в нашем посильном труде рассматриваем слабости сильных мира сего. Так рассматривали мы жизнь Генриха IV и с этой же точки зрения взглянем на кардинала Ришелье. Одно не помешает другому: Ришелье – лев, терзающий своих врагов и упивающийся их кровью, и Ришелье, как влюбленный кот,¹ отчаянно мяукающий нежности Анне Австрийской или принимающий у себя Марион де Лорм, – так же мало имеют общего один с другим, как кот со львом; порода-то, пожалуй, и одна, да звери-то разные!

Посмотрим сначала на льва.

В 1624 году благодаря стараниям Марии Медичи буквально из ее рук Ришелье получил кардинальскую шапку. «Государыня, – сказал он ей при этом, – пурпуровая моя мантия будет мне постоянно напоминать о моем обещании не щадить за вас и последней капли моей крови!»

Просим читателя запомнить эту фразу, в полном смысле слова красноречивую.

Вместе с кардинальской шапкой Ришелье получил должность государственного секретаря с правом голоса совещательного, т. е. с обязательством подавать советы королю только в случае запроса с его стороны. Первым указом, подписанным Людовиком XIII по совету Ришелье, воспрещались поединки под опасением смертной казни; затем следовал второй – о соблюдении простоты в одежде

и преследовании роскоши... Обоими указами Ришелье наносил первый удар дворянству, а вторым указом – и кальвинистам, постоянно укорявшим двор и вельмож за их безумную роскошь. Отнять у кальвинистов хотя и один из поводов к жалобам значило их хоть сколько-нибудь обезоружить. Обиженные дворяне мстили кардиналу пасквилями, прозвищем Красного чулка, кальвинисты волновались по-прежнему и бунтовали, рассчитывая на содействие Англии. Олигархам Ришелье до времени отвечал презрительным молчанием, а у кальвинистов (с 1628 по 1631 год) отнял Ла-Рошель, Катр, Мильго, Прива, Але, Андюз и все укрепления этих городов обратил в развалины! Мария Медичи, несмотря на обещание, данное королю не вмешиваться в дела как внутренние, так и внешней политики, не могла, однако же, не затеять обширной политической интриги. Имея в виду болезненное состояние Людовика XIII и отсутствие прямых наследников престола, королева-правительница решила передать права наследства (в случае смерти короля) младшему сыну Гастону, герцогу Орлеанскому, с тем чтобы он женился на вдове короля Анне Австрийской. Испанский двор вполне одобрил этот проект, и между Мариєю Медичи, королем испанским и супругою Людовика XIII возникла по этому предмету переписка и самые приятные отношения... Словом сказать, составилась заговор, вскоре принявший угрожающие размеры. Главными его соучастниками были старый маршал Орнано, молодой и знатный Шалэ (Chalais) из дома Перигоров и два побочных сына Генриха IV – Вандомы. Своей приверженностью к Гастону Орлеанскому заговорщики маскировали свою ненависть к Ришелье и желали не столько возведения Гастона на престол, сколько низложения кардинала. Усердные шпионы последнего следили за ходом заговора шаг за шагом, донося своему патрону о каждом слове, чуть не о каждой мысли его врагов. Нетрудно было Ришелье убедить короля к принятию решительных мер для предупреждения мятежа, и 4 мая 1626 года маршал Орнано по подозрению в сношениях с испанским двором был арестован и заточен в Венсенский замок; очередь стояла за Шалэ и побочными братьями короля, но они еще до времени пользовались свободой. Подстрекаемый своей любовницей герцогиней де Шеврез, Шалэ замыслил сообща со своими товарищами арестовать кардинала и держать его в заточении до тех пор, покуда король, убежденный доводами врагов своего министра, не подпишет приговора о его изгнании. Так порешили на тайном совещании Шалэ, приор Вандомский, граф Море, Пюилюран, Рошфор и другие, к которым присоединился Балансе, тайно преданный кардиналу. В ответе на преждевременную радость Шалэ о несомненном успехе отважного предприятия Балансе спросил его:

– А приняли вы в соображение, что в случае неудачи можете попасть на эшафот?

Простой этот вопрос остудил пылкие фантазии Шалэ; он выразил желание отступить от участия в заговоре, малодушно обвиняя герцогиню де Шеврез в том, что она его вовлекла в эту опасную игру.

– Отступить мало, – возразил Балансе. – Этим вы не спасете вашей головы. Мой совет – идите к кардиналу и сознайтесь ему чистосердечно во всем.

– Я не хочу быть доносчиком!

– Не доносчиком, а обличителем. Признанием вашим вы спасете не только себя, но и принцев крови... И знаете ли что? Не откладывая дела в долгий ящик, отправляйтесь сейчас же к кардиналу в Малый Люксембург.

Шалэ последовал этому совету. Он и Балансе застали кардинала дома и были им очень любезно приняты. Он выслушал Шалэ, по обыкновению, закрыв глаза и подкачивая в такт головою.

– Душевно вам благодарен, – сказал он весьма ласково, – за разоблачение темного и грязного дела, о котором до меня доходили неясные слухи. Не могу не похвалить вас за отречение от соучастия с негодяями, которое могло бы обесславить ваше знаменитое имя!

– Балансе убедил меня...

– В честности его я всегда был уверен, – перебил кардинал. – Вот что я скажу вам, господа: касайся этот заговор меня лично, я бы, может быть, и не обратил на него внимания... но тут дело идет о спокойствии и славе моего государя; мальчишки посягают на государственное благоустройство. При всем том я не беру на себя тяжелой обязанности довести о заговоре до сведения короля, а советую вам самим теперь же отправиться к нему и повторить все мне сообщенное. Вы, Шалэ, называли мне всех заговорщиков. Кроме мужчин, тут, верно, замешаны и дамы. Герцогиня де Шеврез, например...

– Ваша эминенция, клянусь вам, что она ничего не знает!

– Полноте, полноте, – усмехнулся Ришелье, – она знает все, и первую вам наградою за ваше признание будет помилование герцогини, дамы вашего сердца. Ей не говорите только ни слова о нашем теперешнем разговоре; с недавними вашими товарищами действуйте по-прежнему заодно, и все уладится как нельзя лучше!

Проводив гостей, кардинал отправился к королю в Фонтенбло.

План заговорщиков состоял в том, чтобы захватить кардинала в его загородном замке Флери. На другой день доноса, сделанного малодушным Шалэ, он сам и его сообщники явились в замок, где их приняла госпожа Комбалле, племянница кардинала. В ожидании прибытия в замок Гастона Орлеанского гости (в числе шестидесяти) занялись вином и игрою в кости.

Этим временем кардинал беседовал в Фонтенбло с Гастоном. Любезно, с самой радушной улыбкой он говорил принцу, что, узнав о его намерении посетить замок Флери мимоездом на охоту, очень рад предложить свое жилище к его услугам для отдыха...

– Вы сами туда не пожелаете? – спросил Гастон.

– Рад бы принять гостей, но сегодня у короля заседание совета.

Таким образом, замысел захватить кардинала рушился, мнимые охотники не захватили этого красного зверя, а двое главнейших были арестованы через несколько дней. Оба брата Вандомы были заточены в Амбуаз и в Венсен по обвинению в происках против предполагаемого брака Гастона Орлеанского с госпожою Комбалле; кроме того, ходили слухи о их тайных сношениях с Испанией и Англией. Шалэ, видя вероломство кардинала, душой и телом предался партии Гастона. Принц намеревался бежать в Испанию и, собрав там войско, вторгнуться во Францию и изгнать короля от кардинала. Надзор за ходом этого нового заговора Ришелье поручил своему клеврету Ла-фейму... Этим временем король, обе королевы и весь двор отправились в Нант; случай благоприятствовал заговорщикам, и все было приготовлено к бегству в Тур, оттуда в Лотарингию; но ищейки кардинала не дремали: граф Рошфор, маркиз Пюило-ран, президент де Куанье (de Coignet) и Генрих Шалэ были арестованы. Шалэ, приведенный к

кардиналу капитаном дю Гайлье, едва удерживаясь от бешенства, сказал:

– Ваша эминенция, смею ли я хоть спросить, за что я арестован?

– Смеее, смеее, и я сию минуту удовлетворю ваше любопытство! – отвечал Ришелье с неизменной улыбкой.

Выслав капитана, он подал Шалэ перехваченное письмо к Гастону, написанное Рошфором, Пюилораном и де Куанье и уведомлявшее принца о том, что все готово к его побегу.

Надобно заметить, что кардинал де Ришелье первый из властителей Франции к громадной машине государственного управления присоединил могучую пружину, без которой (по его мнению) благоустройство администрации немислимо. Эта пружина – шпионство – была доведена кардиналом до совершенства. Он содержал на жалованье обоого пола шпионов, агентов, сыщиков; при канцелярии его находилось несколько чиновников для дешифровки писем, писанных цифрами или условными знаками, и эти способнейшие люди умели разобрать какую угодно тарабарскую грамоту.

– Что вы на это скажете? – спросил Ришелье, когда Шалэ прочел роковое письмо. – Прав ли я, подвергнув вас аресту, граф Шалэ?... Но, помня ваши недавние услуги, я готов сжечь это письмо и тем самым уничтожить все следы вашего соучастия в заговоре, только с условием... Виноватыми в заговоре должны быть: королева Анна и Гастон, сговорившиеся объявить короля неспособным к брачному сожителству, заточить его в монастырь и сочетаться браком...

– Но они и не думали этого! Принц никогда не был зложелателен к королю... Вы хотите, чтобы я клеветал?

– Тут нет клеветы, а сущая правда. Зачем Гастону бежать в Испанию и оттуда с войском возвращаться на родину? Неужели же принцу для свержения меня с места нужна целая армия?

Поймите, граф, что, обвиняя только королеву и принца, вы дадите мне возможность испросить милости вашим друзьям... Супруги своей и брата король не пошлет на эшафот, и дело будет замято...

– А я и друзья мои будем помилованы?

– Клянусь вам, и за вашу жизнь ручаюсь собственной, – произнес Ришелье со слезами на глазах. (Он обладал завидной способностью плакать в случае надобности.)

– Сделав показание, – продолжал он, – вы сознаетесь, что заговорщики поручили вам арестовать короля при возвращении его из Нанта.

– Но это будет напраслина!

– Для вашего же спасения...

Под диктовку Шалэ один из секретарей Ришелье написал донос, сочиненный по желанию кардинала. За это он отдал графу Шалэ перехваченное письмо, которое граф тут же бросил в огонь камина.

– Теперь, – сказал Ришелье, – вы возвратитесь в тюрьму, из которой, по всей вероятности, выйдете через неделю.

Заставив Шалэ быть доносчиком на Гастона, кардинал ставил их друг к другу в самые враждебные отношения, что именно ему было необходимо. Он надеялся, что Гастон, видя предательство друга, примирится с королем и, покорствуя его воле, женится на госпоже Комбалле. Всегда дальновидный, Ришелье

ошибся в последнем: Гастон Орлеанский признался королю во всех своих умыслах, выдал с головой всех своих сообщников, примирился с Людовиком XIII, но женился на мадемуазель де Монпасье.

Гром пушек возвестил графу Шалэ, сидевшему в темнице, о бракосочетании герцога Орлеанского. «Если король простил брата, он, без сомнения, простит его приверженцев» – эта простая мысль утешала узника; кроме того, он помнил клятву, данную ему кардиналом, и надеялся. Герцогиня де Шеврез нашла возможность послать к графу Шалэ в темницу небольшую записку, спрятанную в крупной ягоде земляники. Не зная о свидании графа с кардиналом, любовница Шалэ писала к нему: «Ни слова ни о чем кардиналу. Надейтесь; у вас есть друзья и подруга... мы бодрствуем!»

Ягоду с этой запиской предатель слуга доставил кардиналу.

Ришелье прочел и приказал передать ее узнику: «Пусть утешается», – и сказал при этом: «Мне эти пустяки не опасны!»

Из темницы дня через два граф Шалэ был вызван в следственную комиссию под председательством хранителя печати Марильяка (Marrillac). Начались допросы. Шалэ, помня обещание Ришелье, подтвердил письменное свое показание и плел небылицы на королеву и Гастона. Судьи произнесли смертный приговор, несмотря на протест Марильяка, видевшего в обвинении графа Шалэ адскую хитрость кардинала. Приговор, представленный на утверждение короля, был им подписан бестрепетной рукой. Из дела, лично до него касавшегося, Ришелье сумел смастерить дело государственное; партия недовольных угрожала только ему – он сумел напугать короля, уверив, что опасность ему, королю, угрожает. О помиловании Шалэ Людовика XIII умолял весь двор, но король, выдававший непреклонность и твердость характера во всех тех случаях, когда речь шла о злом деле, был неумолим. Старый Марильяк присоединил свой голос к общему хору ходатаев за графа Шалэ.

– И вы просите за это чудовище? – крикнул Людовик XIII. – Приговор шел через ваши руки!

– Да, но я его не утверждал. Смерть Шалэ будет убийством...

– Нет, справедливостью! Слушайте, Марильяк, я милосерден, очень, даже – сличком... Я щажу мою жену, моего брата, но графу Шалэ нет пощады. Казнить его!

– Государь, казнь необходимо отложить: палач неизвестно где.

– Знаю... Друзья графа его куда-то запрятали. Они позабыли, что топора он не унес с собою! Был бы топор, а рука найдется...

– Ваше величество!

– Молчать! Вы пришли за милостью и прощением, и я дарую и то, и другое. Вы думаете, графу Шалэ? Нет: прощаю любого разбойника из содержащихся в нантской тюрьме, чтобы он согласился отрубить голову графу. Такова моя воля, и да будет так!

Граф Шалэ надеялся до самой минуты объявления ему смертного приговора; выслушав его, он настоятельно требовал свидания с кардиналом, – разумеется, напрасно. Вечером 19 августа 1626 года состоялась казнь Шалэ. Входя на эшафот, он все озирался, ожидая вестника о помиловании, и окончательно впал в отчаяние, когда наступила роковая минута – не казни, но пытки, как увидим. Опуская голову на плаху, Шалэ закричал:

– Так вот твоя клятва, предатель кардинал? На том свете я не упрекну тебя, потому что буду в раю, а ты пойдешь в вечный огонь!..

Преступник, по воле короля взявшийся за дело палача, был неопытный и робкий; он рубил голову графу не топором, но мечом, очень легким и плохо отточенным. После трех первых ударов Шалэ, еще в полной памяти, кричал и рыдал от боли, упоминая имена своей матери и герцогини де Шеврез. Палач-самозванец рубил мечом по шее Шалэ, не нанося ни одного смертельного удара. Ропот негодования народа вторил воплям жертвы. Какой-то бочар, бросив на эшафот отточенное широкое долото, крикнул неопытному палачу:

– Возьми, негодяй, авось хоть этим доконаешь!

Всех ударов – мечом и долотом – было нанесено тридцать четыре; при двадцатом Шалэ еще кричал; кровь ручьями лилась по эшафоту, на который падали ключья и обрезки мяса и кожи. Через шестнадцать дней после казни Шалэ, маршал Орнано умер в темнице от яда. Герцогиня де Шеврез была отправлена в ссылку; герцог Вандомский пробыл в темнице четыре года и семь месяцев; брат его Александр в ней умер. Олигархи трепетали от ужаса и негодования. Как бы желая не дать им опомниться, 22 июня 1627 года кардинал возвел на эшафот Франциска Мон-моранси, графа де Бутвиля и Франциска де Росмадек, графа де Шапелья – за нарушение закона о поединках...

Первый министр действовал с полновластием самодержавного государя. Сердце Людовика XIII, подобно сухой песчаной почве, произрастающей полынь да терновники, было особенно восприимчиво на чувства злобы и ненависти. Кардиналу-министру не стоило особенного труда внушить королю недоверие к дворянству, ненависть к супруге, брату и матери, в которых Людовик видел только заговорщиков и злоумышленников. Ришелье со своей стороны очень хорошо понимал, что казнь Шалэ – только пролог к борьбе с олигархией; что еще не одна голова должна скатиться на эшафот и что еще понадобится много крови, чтобы окончательно потушить тлеющую искру крамолы и происков раздраженных вельмож.

Осенью 1627 года начались военные действия против кальвинистов при личном участии кардинала-министра и Людовика XIII. Длинный ряд битв и осад городов был ознаменован страшными зверствами как со стороны католиков, так и кальвинистов. Северной армией командовали: Ришелье, король, маршалы Бассомпьер, Туарас и кардинал де ла Валет; флотом – принц Конде. В марте 1628 года он овладел городом Памье (Pamiers), восставшим против короля. Градской консул Пра (Prat) и с ним пять советников ратуши были повешены на зубцах городских стен. Севенский дворянин Бофор и д'Орос, губернатор мазер-ский, захваченные с оружием в руках, были обезглавлены в Тулузе. Кальвинисты, раздраженные этими казнями, в отплату католикам перевешали пятьдесят человек пленных. Принц Кон-де, не желая оставаться в долгу, повесил пятьдесят пленных кальвинистов. Осада Ла-Рошели продолжалась без перерыва: менее нежели в три месяца осажденные потеряли свыше 16 000 человек, большей частью от голода, и 1 ноября 1628 года город сдался на капитуляцию, несмотря на энергичные мольбы своего главы Гюнтонна. За взятие Ла-Рошели кардинал-министр был пожалован в генералиссимусы. В начале 1629 года сильный корпус под предводительством герцога Генриха Монморанси и дяди его маркиза де Порта был отправлен в Виварэ; король же с 17 000 войска отправился в Савойю